

Он указывает им на то, что совершилось в беспросветной тьме, в небытии Гроба Христа.

Он – Ангел Его, вестник Воскресения Его, открывающий тайну Его – ибо Иисус Сам ещё не видим для взоров их...

Жены иерусалимские, обнимающие друг друга, нерасторгаемые и в горе своём великом, как триплетная верёвка – «Вервь треплетена не расторгнется» (Еккл.4:12), взирают на тайну гроба, повинувшись жесту Ангела-тайноводца, научающему их тому, что написано у Пророков, прежде чем Сам Иисус Воскресший явится им – и в тот день они не спросят Его ни о чем (Ин.16:23).

«Утѣшѣніе скрѣйся от ѳчію моѳю!» – повторяют они с пророком Осией (Ос.13:14), но Ангел отвечает им пророческими словами того же Осии:

“От руки ѳдовы избѣвлю я и от смѣрти исплѣчу я: гдѣ прѣя твоѣя, смѣрте? гдѣ остѣнь твоѣй, ѳде?» (Ос. 13:14).

Где жало твое, смерть? Пелены свернуты подобием жала, но они светлы, они обвинили жало, оставив только его очертание, уже не опасное, уже побежденно, уже обезврежено. Только тень жала смерти здесь

ЖАЛО СМЕРТИ. МИРОНОСИЦЫ У ГРОБА. Ольга Шульчева-Джарман

– обвито оно погребальными пеленами Христовыми.

Где жало твое, смерть? Вот оно – сломано о воскресшую плоть Сына Божия. В темноте, в беспросветной темноте небытия боролся Он с тобой, смерть, с жалом твоим, и принял его в Себя, и разорвал тебя вместе с жалом пополам в Себя Самом – ценою своей жизни.

Сломано жало смерти. Сломано навек. Теперь и отныне всякий, взирающий во тьму смертную, увидит там белые пелены Христа – Он оставил их обвитыми вокруг пустоты смертной, вокруг жала небытия. И теперь нет в смерти тьмы, оттого, что –

Среди ночи глубокой, среди тьмы беспросветной С изумленьем и страхом я Христа созерцаю.
(преп. Симеон Новый Богослов)

За спиной Ангела – неколебимая скала, образ Царства Неколебимого, Царства Бога Духа Святого. Духом Святым Божиим восстал Распятый, Духом Святым жив Он вовек и Духом познается верными.

Они взирают «на Начальника и Совершителя веры, Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел по правую сторону престола Божия» (Евр. 12:2, пер. еп. Кассиана). Они теперь уже не обессилевшие, слабые женщины (Евр.12:3), они укрепили опустившиеся руки и расслабленные колени, и спешат по тропам воскресного утра исцелить неверие апостолов (Евр.12:12-13) – тем еще предстоит подвигаться до крови в проповеди Воскресения... (Евр. 12:4).

Гора за спиной Ангела – это таинственная гора Сион, образ Небесного Иерусалима, града Бога Живого (Евр. 12:22). Христос Бог в Воскресении Своим

потряс землю и небо (Евр. 12:26).

Рядом, с Ангелом, повергнутые видением славы, недоступным для них, лежат воины. Их жалкие, плоские фигурки вовсе не похожи на фигурки человеческие. Они не выросли в меру человека – в меру мирноносцев, возвышающихся над этими вооруженными и крепкими мужами, что ныне повергнуты долу на землю, бесчувственны и не понимают, о чём идёт речь. Но очертания фигурок воинов складывается в буквы «IX» – монограммы имени Христа Спасителя. И значит, им ещё предстоит стать людьми в полной мере, войти в человеческий «объёмный» мир, где возможна встреча с Воскресшим, и увидеть Ангела у гроба, в котором сломано жало смерти.

И принимают мирноносицы, взирающие на гроб со сломанным жалом смерти, принимают само невместимое человеками, как и Воскресший Христос, само Царство неколебимое (Евр.12:28).

Самого Христа – Живого и Животворящего.

* * *

Затворены Твои исходы,
К востоку зрят Твои врата,
Ты в полноте Твоей свободы
На средоточии Креста.
Темна вода. Затихли ветры.
Остановился мир, нелеп,
Взирать, как просто и как щедро
Ты преломил Себя, как хлеб, –
Никем вовек Неудержимый,
Никем не связан ни на миг...
...Весь мир, как сжатая пружина,
Ко Гробу Твоему притник.

Шигин В. В. НИКОЛАЙ УГОДНИК НА КРЕЙСЕРЕ «КИРОВ»

«С Петром Тихоновичем Пантелеевым мы познакомились в одном из бывших центров советской электроники, чистеньком и уютном подмосковном Зеленограде. Рослый седовласый Пётр Тихонович был превосходным инженером-механиком и талантливым изобретателем, имевшим целый ряд авторских свидетельств. Когда наше знакомство переросло в приятельские отношения и я стал часто бывать в квартире Пантелеева, то с удивлением узнал: с памятного дня Победы изобретатель никогда не брал в рот спиртного и даже во времена государственного атеизма, не таясь, ходил в церковь. Дома у него на почётном месте висела большая икона Николая Угодника. Когда я ею заинтересовался, бывший матрос крейсера „Киров“ доверительно поведал мне свою удивительную историю...

В страшном и кровавом сорок первом, под непрерывными воздушными атаками и бомбёжками хозяйничавших в небе немецких самолётов корабли Балтийского флота прорывались в Кронштадт.

Море слегка штормило. В стальном чреве корабля стояла невыносимая духота, и в машинном отделении крейсера „Киров“ плыл синеватый чад раскалённой смазки. Поэтому машинист Пётр Пантелеев часто бегал охладиться под душем из забортной воды.

В очередной раз, встав под душ, он вдруг почувствовал, как решётчатый настил легко уплыл из-под ног, всё вокруг перевернулось, неестественно меняясь местами, и машинист упал, на мгновение потеряв сознание. Очнувшись он от крепкого шлепка ладонью по мускулистому плечу.

— Угорел? Вентиляция не справляется, — помогая ему подняться, сказал механик: — Давай наверх, подыши немного и назад.

Пётр полез вверх по трапу: просто мечта — глотнуть свежего морского ветра после трёх вахт подряд, но зря проводить на палубе время тоже нельзя — если встанут машины, немцы тут же разбомбят крейсер и вся команда пойдёт на дно кормить рыб.

Наверху царил сущий кошмар. Натужно выли моторы пикирующих самолётов, выворачивая нутро сверлящим звуком, свистели падающие бомбы, захлёбываясь, строчили пулемёты, ухали разрывы и зло кашляли зенитки. То и дело по обоим бортам серую воду всплывали белые султаны разрывов. Пётр приоткрыл люк и начал жадно глотать солёный, припахивающий поро-

ховой гарью воздух. Неожиданно он увидел, как между вздымавшимися свинцовыми волнами и разрывами к крейсеру прямо по воде шёл незнакомец — не торопясь, но в то же время быстро, словно морская бездна для него была подобна гладкой мостовой.

„Человек за бортом!“ — хотел крикнуть машинист, но язык словно присох к гортани, а губы сами собой, как в далёком детстве, начали едва слышно шептать молитву: за последние дни Пётр не раз горячо молился про себя, прося Господа и Николая Угодника вывести живым из крошечного ада.

„Схожу с ума, — решил матрос, — головой крепко приложился или допился вконец!“

К водке он сильно пристрастился ещё в Ленинграде, куда приехал учиться в техникум после окончания семилетки. Грамотный по тем временам парень попал в компанию бездельников, забросил учёбу, начал выпивать и, в конце концов, стал грузчиком в порту — силой и статью природа Пантелеева не обидела. В 39-м его призвали на флот, и довелось ему служить на крейсере „Киров“. Несмотря на все строгости службы, даже с началом войны, машинист находил любую возможность пропустить стаканчик. И вот теперь ему привиделось такое во время жуткой бомбёжки!

Тем временем неизvestный человек неведомым образом оказался на палубе, рядом с матросом. Пётр с удивлением разглядывал его диковинную, тускло мерцавшую золотым шитьём тёмно-красную одежду, похожую на широкий шарф, вышитую крестами зеленоватую накидку на плечах и чудную, расширяющуюся кверху шапку из похожего на бархат бордового материала, украшенного самоцветами и золотым шитьём. На босых ногах пожилого незнакомца были надеты сплетённые из тонких кожаных ремешков сандалии, и Пётр подивился: ноги сухие, хотя странный человек шёл прямо по воде. Лицо у старика загорелое, доброе, с небольшой седой бородой. И хотя постоянно тянул свежий ветер, ни одна складка на его одежде не шелонулась. Пантелеев хотел протянуть руку и потрогать, действительно ли удивительный незнакомец стоит перед ним, однако не решился.

— Не бойся, — ласково сказал старик. — Ты непременно доберёшься живым до Кронштадта.

— Страшно воевать на море, — сам не зная почему, вдруг доверился ему Пётр. — На земле, наверное, луч-

ше. Привычной как-то.

— Хорошо, — согласно кивнул удивительный незнакомец. — Скоро ты будешь воевать на земле. Но учти, там не легче!

Пантелеев быстро бросил настороженный взгляд по сторонам — не заметил ли их кто? А то потом от комиссара не отпрёшься и особысты начнут везде тягать. Однако пробегавшие мимо матросы не обращали на машиниста и его странного собеседника никакого внимания. И тут Петра молнией пронзила мысль: кроме него, никто старика не видит! Стало вдруг страшно до жути, до тошнотворного мохнатого кома в горле.

— Иди, тебя ждут. — Незнакомец провёл ладонью над головой матроса, и страх ушёл, зато появились уверенность в себе и новые силы.

Пётр моментально скатился по трапу в душное машинное отделение, тут же напрочь забыв о странной встрече, и вспомнил о ней только в Кронштадте, когда его списали с корабля в морскую пехоту: под напором немцев фронты трещали по швам, сотни тысяч красноармейцев попали в плен, и „царица полей“ понесла страшные потери.

В длинном коридоре казармы, где балтийцам объявляли приказ командования, на стене висел портрет Калинина. Но Пантелееву отчего-то показалось, что с полотна на него смотрит совсем не всесоюзный староста, а ласково улыбается тот странный седобородый старик, неизвестно откуда появившийся в море на крейсере...

Что касается дальнейшей судьбы матроса, можно сказать, что он провоевал всю войну и остался живым.

История с посещением святым Николаем Мирликийским крейсера „Киров“ не единственная. О фактах посещения Николаем Угодником российских кораблей есть немало иных свидетельств.